

Волкова О., Аронов Н. Слово из девяти букв // Коммерсант: сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3047266> (дата обращения 10.10.2018).

Огонек. 1928–1930.

Стецура Ю. А. Молодежь в постреволюционной модернизации России в 20-30-е годы XX века. Армавир, 2013.

Тертычный А. А. Жанры периодической печати. 4-е изд., испр. и доп. М., 2011.

О. М. Семерикова

ТРАЕКТОРИИ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ КОММУН НА УРАЛЕ в 1917–1920-е гг.¹⁷

УДК 94(470.5).084.3/.084.5:631.1

В статье на основе архивных материалов рассмотрены варианты развития коммун уральского региона, возникшие в процессе их жизнедеятельности. Установлено, что значительная часть коллективов по разным причинам поменяла первоначальную уставную форму или была ликвидирована. Сохранение статуса коммуны зависело, прежде всего, от принципиальной позиции ее руководства и степени его влияния на внутреннюю атмосферу. Немаловажную роль играла и позиция власти: поддержка, постоянное взаимодействие, помощь специалистов и готовность к сохранению первоначальной организационной формы способствовали тому, что концепция «коммуны» была востребована в крестьянской среде.

¹⁷ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

Ключевые слова: сельскохозяйственная трудовая коммуна, коммунистический проект, раннесоветское общество, уральский регион.

Сельскохозяйственные трудовые коммуны стали особым явлением в советской деревенской реальности 1917 – начала 1930-х гг. Изначально они создавались по инициативе народных масс уже в 1917 – начале 1918 г. как островки «коммунизма» в безбрежной «мелкобуржуазной» стихии либо как организационные формы по преодолению сложностей хозяйственного развития на микроэкономическом уровне. С середины 1918 г. эта практика была поддержана советским правительством. Для реализации разработанного при активном участии левых эсеров государственного проекта «сельскохозяйственная трудовая коммуна» была сформирована законодательная, нормативная, организационная и материальная база.

Научное исследование этих форм коллективного хозяйства как в рамках общих работ по коллективизации, так и в специальных трудах, осуществлялось в нашей стране с начала 1920-х гг. В них содержалось много важных количественных показателей, описаний из жизни конкретных коммун, оценочных суждений [Сельскохозяйственные коммуны; Васильев; К истории; Конюков; Усатова; Гришаев, Сельскохозяйственные коммуны; Он же, История]. В современной историографии существует исследование Д. Дюран, посвященное жизнедеятельности сельскохозяйственных коммун в Советской России и основанное, преимущественно, на опубликованных источниках [Дюран]. Данный факт актуализирует дальнейшее изучение темы на основе новых методологических подходов и введения в научный оборот ранее неизвестных архивных данных.

Цель статьи – исследовать траектории развития сельскохозяйственных коммун Урала в 1917 – 1920-х гг. на основе метода социального проектирования. Последний позволяет «переосмыслить перемены,

произошедшие в российском обществе после Революции, взглянуть на них как на результат целенаправленной деятельности людей, движимых социалистической идеей, мифологически преломленной в их сознании» [Мазур]. Он также помогает проследить применимость коммунистических идей к российской деревенской действительности 1917 – 1920-х гг., выявить результаты и естественные границы в реализации целенаправленной политики советского государства.

Первые сельскохозяйственные коммуны появились уже в конце 1917 г. Одной из первых была "Пермская коммуна-колония", созданная в деревне Воробьи Оханского уезда Пермской губернии в ноябре – декабре 1917 г. братьями Гилевыми [Коммуна].

По подсчетам В. В. Гришаева в 1918 г. в Пермской губернии было организовано 23 коммуны, в Оренбургской и Уфимской – по 2. [Гришаев, Сельскохозяйственные коммуны, с. 35, 36]. Речь идет о зарегистрированных коммунах, число их в реальности было больше, но они не являлись официально признанными. В подтверждение приведем данные по зауральскому Камышловскому уезду, откуда уездный земельный отдел сообщал, что «в 1918 г. организовалось до 17 коммун, артелей и товариществ, но они не были как следует организованы, не имели уставов, не были зарегистрированы, а земля им в натуре в определенных границах отведена не была и в уезмотделе (уездный земельный отдел – О. С.) вообще об этих организациях нет почти никаких сведений» [ГАСО, ф. Р-12, оп. 1, д. 298, л. 32].

Первые коммуны 1918 г. возникли в основном на территориях с высокой долей частнособственнических земель. Прежде всего, это Оханский и Осинский уезды. Причем в собственность переходили не только земли, но и материальная база различных производств, расположенных на них. Так, когда Овчинниковской трудовой коммуне в октябре 1918 г. были отведены земли бывшего помещика Максимова Кизвенской волости Оханского уезда, ее актив заявил и о потребности в

переходе к ним также мукомольной мельницы и кузнечно-слесарной мастерской [ГАПК, ф. Р-112, оп. 1, д. 67, л. 7, 12]. В начальный период коммуны создавались, в том числе, и на церковных и монастырских землях. Их инициаторами выступал пришлый элемент, имевший некрестьянский опыт. Например, сразу после национализации земель женского монастыря в дер. Красоты Сосновской волости Кунгурского уезда на них была образована коммуна «Красотинская» выходцами из с. Спасо-Барды того же уезда (в составе 30 семей, актив которых имел опыт участия в боевых действиях Первой мировой войны). Она стала первой в Кунгурском уезде [Варзаков, с. 2; Плотников, с. 3].

Тем не менее, появление коллективов в Пермской губернии в 1918 – начале 1919 г. проходило в меньших масштабах по сравнению с подобным процессом в центральных регионах Европейской России. Сроки существования также были невелики: к концу 1918 г. практически все были ликвидированы или уничтожены. Это было связано с событиями Гражданской войны (борьба с военными силами А. В. Колчака) и слабым влиянием большевиков на волостном и сельском уровне, в том числе из-за нехватки кадров.

Новый импульс к формированию сельскохозяйственных коммун со второй половины 1919 г. был положен активной агитацией большевиков, подкрепленной обещаниями моральной и материальной поддержки: субсидиями из миллиардного фонда, предоставлением права выбора земельных участков [Гришаев, Сельскохозяйственные коммуны, с. 69]. Кроме того, к этому времени уже имелся идеологически подготовленный штат организаторов коммун из числа бывших участников военных действий в партизанских отрядах и Красной Армии. Именно они получили партийные задания по созданию коллективных хозяйств и с успехом их реализовали весной 1920 г. На 1 декабря 1920 г. в Оренбургской, Челябинской, Екатеринбургской, Тюменской губерниях и Уральской области, вместе взятых, насчитывалось уже 213 коммун [Там же, с. 67].

Отличительной особенностью коллективов, созданных в 1920 г. и позднее, стало активное включение в их состав по сравнению с предыдущим периодом (где организаторами и рядовыми коммунарами было пришлое население, имевшее городской, отходнический или иной опыт) местного традиционного крестьянства. И, как следствие, это повлияло на формирование материального фонда коллективов: значительное количество земли имело статус «надельной». Последняя практика проявила себя на уральских территориях и в силу специфики распределения земельного фонда в дореволюционный период и особенно событий Революции: помещичьих, церковных и казенных земель, пригодных для ведения сельского хозяйства, было незначительное количество, а частное крестьянское землевладение, активно росшее во второй половине XIX – начале XX в. в период Первой мировой войны и Революции 1917 г. добровольно или принудительно со стороны крестьянства в основном было включено в массив общинных земель.

Созданные коммуны обладали разной материальной базой, тем не менее, по сравнению с Центральной Россией, они имели слабую дифференциацию в силу относительной однородности в возможностях использования экспроприированных ресурсов бывших собственников. В результате большинство коллективов сталкивались с проблемами материальной необеспеченности. Выходом было обращение к властям о помощи. Если удавалось что-то получить, коммуна выживала. Если нет, особенно в голодные 1921–1922 гг., тогда распад был неизбежен. Проблемы были связаны и с отсутствием навыков совместного проживания и общей трудовой деятельности. Хотя следует отметить, что местные власти всеми силами пытались сохранить коллективы, особенно там, где их было немного, в частности в Предуралье, через разные способы реорганизации.

С начала 1920-х гг. в этом районе была распространена практика объединения (укрупнения) нескольких коллективов, чтобы сохранить и

увеличить их материальную базу. Например, 1 июля 1920 г. с этой целью к коммуне «Октябрьская» Верхне-Муллинской волости Пермского уезда была присоединена коммуна «Культура» той же волости. Обе были созданы в 1919 г. («Культура» зарегистрирована 22 октября 1919 г., «Октябрьская» – 8 декабря 1919 г.), но внешние условия оказались разными. В частности в вопросе о наделении землей. Коммуна «Культура» осталась без участка по невыясненным нами причинам. В наличии по этому делу имеется только указание, что «отвод не производили и земля числится в запасном фонде» [ГАПК, ф. Р-112, оп. 1, д. 219, л. 15]. Но, обычно, такая ситуация была обусловлена затягиванием процедуры наделения по разным обстоятельствам (в частности, слабая инициативность актива коммуны, нехватка или отсутствие агрономического и землемерного персонала) или протестом местного крестьянства.

Заметим, что вопрос с обеспечением земель вновь создаваемых коллективных хозяйств на Урале был непростым. Уездные и волостные земельные управления особенно в первой половине 1920-х гг. (в отличие от центральных губерний) исходили из рационального подхода в его решении и стремились заручиться согласием окружающего населения. Хотя практика принуждения при выделении наделной земли единым массивом через обмен постепенно возобладала. Так, например, согласно акту об отводе земли коммуне «Горд-Палэп»¹⁸ от 12 сентября 1921 г. комиссия указала, что «ввиду неудобства участка земли, предложенной обществом Кипчак <...> пришлось выделить без согласия представителей деревни Кипчак <...> квадратный кусок (земли – *О.С.*), чтобы усадьба находилась в центре такового» [ГАПК, ф. Р-367, оп. 1, д. 134, л. 14об., 17].

С другой стороны коммунары могли отказаться от предложенных сельским обществом или земельным управлением земель по ряду причин и

¹⁸ в переводе с удмуртского: горд – красный, палэп – пчелиный рой.

проживать некоторое время на имеющихся, но не сведенных в один или несколько единых участков, что не способствовало внедрению коллективных принципов труда и жизни.

Объединение коммун происходило и в ситуации переизбытка земельных угодий. Задача, которая ставилась властями Пермского округа при реорганизации в этом случае, была в ликвидации серьезных задолженностей перед кредиторами и включению всех участков коллективов в сельскохозяйственный оборот. Например, коммуна «Сила общего труда» Оханского района в 1925 г. (возникшая в марте 1920 г. как выселок на земле графа Строганова с размером участка более 139 десятин) была соединена с коммуной «Марс» в силу того, что не имела необходимого числа работников для эффективной эксплуатации имеющихся угодий. Согласно акту от 25 августа 1925 г., всего в коллективе из 5 семей было 15 членов, из числа которых «заняты постоянным производственным трудом не более 6–7 человек» [ГАПК, ф. Р-104, оп. 1, д. 136, л. 23]. Кроме того, общий долг коммун к моменту обследования составил 3693 руб. 78 коп. В результате действий окружного земельного управления, в том числе заключения договоренности с Сельхозбанком и Сельсоюзом, основной кредитный долг был «рассрочен» до 6 лет, что сделало возможным сохранить этот вид коллективного хозяйства в районе [Там же, л. 73].

Еще одним вариантом разрешения кризисной ситуации и сохранения практики коллективного труда явился переход коммун на артельную или товарищескую форму. Решение об этом принималось как на основании постановления общего собрания, так и по рекомендации земельных отделов.

Так, например, Альняшинская сельскохозяйственная трудовая коммуна Пермского уезда, созданная в феврале 1920 г., в составе 6 семей (остальные ранее вышли из состава) в феврале 1922 г. перешла на артельную форму при сохранении названия (идентичному названию

урочища из числа казенных земель). Сами коммунары объясняли это тем, что крестьяне с их недостаточными ресурсами и отсутствием опыта пока не готовы к высшей форме хозяйства (из изначально вошедших 17 семей, к концу второго года осталось только 4): «Деревенский люд до тех пор не будет доверчив сам себе и друг другу покуда не увидит практику собственного своего труда в прибыли сельского хозяйства и в облегчении самого себя трудом. До тех пор никак не присоединить к коммунальной организации» [ГАПК, ф. Р-367, оп. 1, д. 103, л. 18об.].

Если коммуна была образована исключительно на национализированных землях, то в условиях невозможности продолжать деятельность, на участке создавался совхоз. Местным властям было выгодно создать полностью контролируемое хозяйство, ресурсы которого можно использовать по своему усмотрению. Но в перспективе эта форма не вела к созданию продуктивного производства, так как отсутствовала личная мотивация управленческого звена и рядовых работников. Поэтому во второй половине 1920-х гг. многие совхозы были вновь реорганизованы в том числе в коммунальную форму. Например, на земле уже упоминаемой коммуны «Красотинская» в 1919 г. возник совхоз имени Красных моряков, а во второй половине 1920-х вновь коммуна «Красоты» [Плотников, с. 3].

Возвращались и к единоличному землевладению. На Урале, как и в Сибири, присутствовала особенность этого процесса. Чаще всего бывшие коммунары, выделившие свою землю из общины, оставались жить в тех же местах, сформировав новый выселок или деревню. В прежние деревни не возвращались, что вело к тому, что количество земель, введенных в сельскохозяйственный оборот, не уменьшалось. Тем самым продолжилось дальнейшее освоение края через практику землеустройства местного и пришлого населения, активным импульсом которому послужила когда-то столыпинская аграрная реформа.

Таким образом, позиция власти по всемерной поддержке коммунального строительства, несмотря на некоторые декларируемые

корректировки экономического курса с 1921 г., способствовала сохранению практики существования коллективов с максимальной степенью обобществления труда и быта вплоть до начала 1930-х гг. С 1927 гг. начался очередной виток роста, вызванный интересом со стороны некоторых категорий крестьянского населения (молодежь, вступившая в комсомольскую и партийную организации; беднейшая, а также состоятельная часть деревенских жителей), имевших разные мотивы в реализации идеи «коммуны» на практике. Это движение было широко поддержано властями и подкреплено в рамках поисков наиболее эффективных методов управления и выживания как прежними подходами (система реорганизации), так и новыми разработками индустриализации (курс на максимальное укрупнение). Так, например, в зауральском Ирбитском районе в 1929–1930 гг. существовала прославившаяся на всю страну своими масштабами коммуна «Гигант» (с центром в с. Микшино ныне с. Краснополянское Байкаловского района Свердловской области), в состав которой вошло около 10 тыс. членов и по площади занимавшей 275 тыс. га [Краснополянское; Глязер, Шаховский; Коммуна].

Варзаков В. Н. На прифронтовой полосе: очерк о красотинской коммуне // Сельская новь: Орган Березовского Райкома КППС и Районного совета народных депутатов. 1987. 21 марта. С. 2.

Васильев П. Г. Вопросы труда и организации капиталов в сельскохозяйственных коммунах (опыт с.-х. коммун Сибири) / Краев. секция с.-х. коллективов при Сиб. краев. союзе сел.-хоз. кредитных коопов. Новосибирск, 1928.

Глязер С., Шаховский В. В гостях у «Гигантов» // Смена. 1929. №133 (сентябрь) // Журнал «Смена»: сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://smena-online.ru/stories/v-gostyakh-u-gigantov> (дата обращения 10.09.2018).

ГАПК. Ф. Р-112 (Пермское губернское земельное управление при губернском исполнительном комитете советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (г. Пермь Пермской губернии); Ф. Р-104 (Пермское отделение Уральского сельскохозяйственного банка); Ф. Р-367 (Осинский уездный земельный отдел Осинского уездного исполнительного комитета советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (г. Оса Пермской губернии))

ГАСО. Ф. Р-12 (Екатеринбургское губернское земельное управление губернского исполнительного комитета советов (1919-1923)).

Гришаев В. В. Сельскохозяйственные коммуны Советской России. 1917–1929. М., 1976.

Гришаев В. В. История сельскохозяйственных коммун. Красноярск, 1986.

Дюран Д. Д. Коммунизм своими руками: Образ аграрных коммун в Советской России / Под ред. И. Утехина. СПб., 2010.

К истории возникновения сельскохозяйственных коммун и артелей в СССР (1918 г.) / Вводная статья Т. Зеленова // Красный архив. Исторический журнал. №4(101). 1940. С. 122–148;

Конюков И. А. Очерки о первых этапах развития коллективного земледелия 1917–1925 гг. М., 1949.

Коммуна / М. Н. Денисевич, В. И. Бездомов // Уральская историческая энциклопедия. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Гл. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург, 2000. С. 275.

Краснополянское (Свердловская область) // Википедия: свободная энциклопедия: сайт [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Краснополянское_\(Свердловская_область\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Краснополянское_(Свердловская_область)) (дата обращения 10.09.2018).

Мазур Л. Н. Раннесоветское общество как социальный проект: методологические подходы к изучению истории России в 1917–1936 годах

//1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практики: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2016.

Плотников А. Красотинская коммуна // Звезда: Орган Пермского обкома КПС и областного совета депутатов трудящихся. 1987. 25 марта. С. 3.

Сельскохозяйственные коммуны по материалам обследования Московского высшего Кооперативного института в 1923 г / под ред. А. А. Биценко. М., 1924.

Усатова А. Н. Аграрные преобразования и первые коммуны во Владимирской губернии Владимир, 1961.

Д. В. Шуняков

**ОРДЕНА В ЧЕСТЬ ПРОСЛАВЛЕННЫХ ПОЛКОВОДЦЕВ
УЧРЕЖДЕННЫЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ (1941–1945 гг.)**

УДК 94(470)

В статье рассматриваются и анализируются причины учреждения полководческих орденов для награждения командного состава в годы Великой Отечественной войны. Наградная практика начального этапа войны показала необходимость учреждения орденов для награждения командного состава за грамотное управление войсками. Учрежденные пять «полководческих» орденов являлись одними из самых почетных и редких наград в годы войны. Их авторитет оказался настолько высоким, что в видоизмененном виде три из пяти «полководческих» орденов остались в наградной системе Российской Федерации.